

Юрий
Погребничко

2/VI-88

МОСКОВСКИЙ ГОМСОМОЛЕЦ
г. Москва

2 - ИЮН 1988

РАМА 88

ПОСЛЕДНИЕ годы этот театр не блистал яркими постановками. На узенькой улочке Станкевича уже давно не дежурили наряды конной милиции. И коллектив, находившийся какое-то время в растерянности, сделал мудрый шаг — пригласил к себе главным режиссером Юрия Погребничко, возглавлявшего Камчатский драматический театр. Было это в начале нынешнего сезона, и широкой московской публике имя Погребничко мало что говорило. Теперь, когда его постановки в Камчатском театре показаны на фестивалях и на сцене Театра дружбы народов, когда о нем появляются одна за другой статьи, становится очевидно, что Петропавловск-Камчатский потерял, а Москва приобрела режиссера, создаю-

щего свой яркий, оригинальный театр. Он не идет на поводу у толпы, не выясняет, что нынче модно, о чем будут говорить. Ставит первоклассную драматурию. За сезон выпустил уже три спектакля: «Чайку», «Я играю на танцах и похоронах» — Вампилова и «Сторож» — известного английского драматурга Гарольда Пинтера. Репетирует «Лес» Островского...

«Чайка» — пожалуй, самая загадочная, самая странная из чеховских пьес. Комедия с разбитыми жизнями и самоубийством в финале, с развенчанной лирикой и вместе с тем — с обжигающим дыханием любви. В спектакле Юрия Погребничко и художника-постановщика Юрия Кононенко нет ни «колдовского озера» с его чарами, ни «чувств, похожих на нежные, изящные цветы». Вместо романтики — фарс. Лирику заглушила ирония, она и стала главным действующим лицом спектакля. Яд сарказма разлит во всем — и в музыкальном строе, и в подчеркнута театральные — не бытовых костюмах. Перед нами паноптикум странных существ, терзаемых всеми человеческими недугами — безответной любовью, тщеславием, неверием в себя, старостью, уязвленным самолюбием, скупостью. Желчный, угловатый, ненавидящий сам себя Треплев — А. Зотов. Злая, мещанистая, расчетливая фурия Аркадина — Л. Викторова, которая, конечно же, не бог весть какая актриса — слишком мелка для таланта. А сколько тщеславия и жажды преклонения в Нине — Е. Слюсаревой! Сцена для нее — всего лишь способ прославиться, а Тригорин — ступенька, поднимающая ее

29. Вечное движение по спирали

● ОТ «ЧАЙКИ» К «СТАРШЕМУ СЫНУ» ● МОСКОВСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕАТР-СТУДИЯ / НА КРАСНОЙ ПРЕСНЕ. НОВАЯ СТРАНИЦА БИОГРАФИИ

над толпой. Нине с ним интересно, а ее воображение уже переводит это в разряд любви. Сам Тригорин, по-разному исполненный актером Театра на Таганке К. Желдиным и мхатовцем В. Салюком, предпочитает всему рыбную ловлю. Но что делать, как укрыться от женщин, которые обожают известных писателей? Если кто и любит, так это Маша — Н. Крупинова. В подлинности ее чувств почти не сомневаешься (почти — потому что переживания ее подчеркнута эффектно, театральны).

Впрочем, театрално здесь все, потому что в этом — стиль Погребничко. Его мышление метафорично и не всегда легко расшифровывается. Почему вдруг вспыхивают лампочки на кусте бумажных роз? Или почему все персонажи «Чайки» рожются в куче песка, отыскивая там то медальон, то цветок, то еще что-нибудь из реквизита? В странном мире спектакля действуют свои законы, своя логика. Чехов выглядит не тонким лириком, мастером «атмосферы» и подтекста, а родоначальником театра абсурда.

Оригинальность формы отличает все работы Погребничко. Как говорит Треплев, «дело не в старых или новых формах,

а в том, что человек пишет свободно из своей души, не думая о формах».

СВОБОДОЙ, раскованностью мысли и юмором притягателен режиссерский вариант вампиловского «Старшего сына» — «Я играю на танцах и похоронах». Все мы помним немолодого музыканта Сарафанова — Е. Леонова из фильма «Старший сын», доверчивого, светлого... обманщика. Заслуженный артист РСФСР В. Прохоров создает в спектакле свой образ. Маленький, неказистый, в старом рваном пальто, этот Сарафанов ранит сердце своей беззащитностью. Такие дают концерты не в филармонии, а играют на похоронах. Он доверчив, как ребенок. И, как ребенок, беспомощен. И, как старик, одинок. Нет, не может бросить такого «отца» неожиданно нашедшийся «сын». Родственные связи здесь оказываются мнимыми, а выдуманные оборачиваются настоящими. Все переворачивается вниз головой, и вы чувствуете хрупкость человеческих отношений. Парадоксальная ситуация выросла на реальной почве, ведь все это вполне могло бы произойти с самим автором. Говорят, Александр Вампилов был по характеру скитальцем. У него были дом, семья — жена и мать, но от него веяло какой-то непригодностью, без-

домностью. Так же, как герой этой пьесы Бусыгин, он мог оказаться поздно ночью где-нибудь на окраине, опоздать на последнюю электричку. Вряд ли сюжет взят драматургом в точности из своей жизни, но эта тема была близка Вампилову, никогда не видевшему своего отца (его забрали в 37-м, в год рождения сына)...

Ю. Погребничко вместе с художником Ю. Кононенко строят мир по законам фантастической реальности. Здесь есть ведущие в никуда, в кирпичную кладку двери; булькает водка в пустом графине; приятный голос дикторши, объявляющей по радио время, добавляет к сухой информации пару нелитературных словечек. Шутка и «серьез», комедийное, фарсовое, лирическое начала уживаются под одной крышей. А все вместе — и есть самый настоящий театр. Только определения не подберу, потому что Погребничко создает свой театр как театр художественной метафоры, театр хорошей драматургии, театр режиссерский, наконец. Как связать все-едино, в одно слово — не знаю. Разве что определением «молодежный» — ведь у молодежного театра должны быть свои отличия от остальных. Вечные темы, вечные вопросы, только сформулированные по-новому. Вечное движение по спирали.

Светлана НОВИКОВА.